

Образ Дон Жуана в интерпретации Ж. Б. Мольера и К. Д. Граббе

The image of Don Giovanni in the interpretation of J. B. Molière and C. D. Grabbe

Данилкова Ю.Ю.

Канд. филол. наук, доцент РГГУ, г. Москва
e-mail: magic20052@yandex.ru

Danilkova Yu.Yu.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian State Humanitarian University, Moscow
e-mail: magic20052@yandex.ru

Аннотация

В статье сопоставляются интерпретации образа Дон Жуана в пьесах Ж. Б. Мольера и К. Д. Граббе. Образ Дон Жуана у Мольера рассматривается в свете представлений о "комедии характеров", тогда как образы Дон Жуана и Фауста, как отмечается, тяготеют к мифологическому истолкованию. Исследуется жанровая природа трагикомедии Граббе, переосмысление автором источников.

Ключевые слова: К.Д. Граббе, Дон Жуан, Фауст.

Abstract

The article compares the interpretations of the image of Don Juan in the plays of J. B. Moliere and K. D. Grabbe. The image of Don Juan in Moliere is considered in the light of ideas about the "comedy of characters", while the images of Don Juan and Faust, as noted, tend to mythological interpretation. The genre nature of Grabbe's tragicomedy and the author's reinterpretation of sources are investigated.

Keywords: Ch. D. Grabbe, Don Jan, Faust

Образ Дон Жуана относится к числу "вечных" образов в мировой литературе, в центре внимания этой статьи - пьесы Ж.Б. Мольера и немецкого драматурга К.Д. Граббе, принадлежащие разным эпохам и фиксирующие развитие сюжета о Дон Жуане на разных витках европейской культуры [4].

Как известно, комедия Ж.Б. Мольера "Дон Жуан, или каменный пир" была написана в 1665 г., после вскоре последовавшей премьеры, при жизни драматурга пьеса больше не исполнялась, и оригинальный мольеровский текст вернулся на подмостки театров лишь в 40-е годы XIX-го века.

Пьесы Мольера и Граббе предполагают, прежде всего, разный подход к интерпретации образа главного героя. У Мольера мы имеем дело, по мнению Бояджиева, с "комедией характеров", когда "движение сюжета было не результатом плутней и хитросплетений фабулы, а вытекало из поведения самих действующих лиц, определялось их характерами", при этом исследователь ссылается на сентенцию Пушкина о том, что "высокая комедия" не была основана "единственно на смехе, но на развитии характеров" [5]. Образ Дон Жуана у Граббе, соотнесенный в пьесе с Фаустом, тяготеет к мифологической интерпретации.

Кристиан Дитрих Граббе, с самого начала заявивший о себе как автор исторических пьес, обращается к сюжету о Дон Жуане в начале двадцатых годов XIX в., замысел пьесы

возник в 1823 г. [11, s. 31]. Оригинальность интерпретации Граббе заключается в попытке объединения в одной пьесе двух самостоятельных сюжетов - о Дон Жуане и Фаусте. Это можно объяснить как интересом Граббе к великим личностям и мифологическим сюжетам, так и общей направленностью немецкой драматургии 30-70-х годов XIX в. [6]. Премьера пьесы, состоявшаяся в 1829 г., в Детмольде, на родине Граббе, была единственной постановкой, которую смог увидеть автор. Впрочем, последующую сценическую судьбу трагедии "Дон Жуан и Фауст" можно назвать удачной: за постановкой в Детмольде последовала постановка в Кобленце (1829), затем -- в Аугсбурге (1832), Вене (1838) и Праге (1846).

В 1882 г. в журнале "Вестник Европы" публикуется перевод трагедии на русский язык, сделанный Н. Холодковским, цитаты далее будут приводиться по этому переводу.

Существенное новшество Граббе, как уже было сказано, - это сведение воедино сюжетов о Фаусте и Дон Жуане. По свидетельству исследователей, тенденция к сближению образов Фауста и Дон Жуана происходила в культуре постепенно.

По мнению исследователя Е.К. Сельченко, первой вехой в процессе сближения этих героев становится первая часть трагедии И.В. Гете "Фауст" (1808), в центр которой ставится история любви Фауста и Гретхен, чего не было ранее, именно эта история, как и развитая Гете во второй части тема поиска Фаустом идеала женщины, сближает героя с Дон Жуаном [10].

Интерес к образам Фауста и Дон Жуана проявлялся и у современников Граббе. Один из них, Н. Ленау, с разницей в три года пишет драмы "Фауст" (1837) и "Дон Жуан" (1840).

Несколько раньше, в 1829 г. в только что вышедшей книге немецкого писателя и философа Карла Розенкранца, посвященной творчеству Кальдерона, можно встретить это же противопоставление, Дон Жуан, по мнению автора, воплощает дух романских народов, а Фауст - германских [8].

Удивителен тот факт, что впоследствии пьеса Граббе возбуждала умы людей с абсолютно противоположными мировоззрениями. Так, книга датского философа С. Кьеркегора "Или--или" названа "косвенным комментарием к трагедии Х.Д. Граббе" [8]. Для датского философа оба героя являются носителями демонического начала, однако, Фауст воплощает мир слова, тогда как Дон Жуан связан с миром музыка. Кьеркегор, безусловно, знал трагедию К.Д. Граббе, в его оценке она была "гениальным" произведением, послужившим для философа толчком к развитию концепции об "этическом" и "эстетическом" как стадиях человеческого бытия [8; 11, s. 68].

В 30-е годы прошлого столетия пьеса Граббе привлекла внимание в национал-социалистических кругах, о чем будет сказано далее.

Более ста пятидесяти лет отделяют пьесу Граббе от создания пьесы Мольера, комедия французского драматурга едва ли могла быть прямым источником пьесы. Среди них исследователи называют трагедию И.В. Гете, безусловно, и народную книгу о Фаусте, либретто к опере Моцарта "Дон Жуан", среди косвенных -- драматическую поэму Д.Г. Байрона "Манфред" [11, s. 31]. Следует принять во внимание тот факт, что Граббе был знаком лишь с первой частью трагедии И.В. Гете, вторая к 1829 г. еще не появилась в печати. Отметим, что К. Д. Граббе существенно трансформирует трактовку образа Фауста И.В. Гете, герой которого совмещает способность к чувственности и рациональному познанию, тогда как у Граббе первое - удел Дон Жуана, последнее - Фауста [11, s. 31]. Присутствие байронических мотивов также придает Фаусту Граббе иную тональность: пессимизм и ощущение разочарования являются доминантами его настроения, что также отличает Фауста Граббе от гетевского героя. По замечанию того же исследователя, в трактовке образа Фауста К.Д. Граббе отходит от гуманистической интерпретации Гете и оказывается ближе к народной книге [11, s. 32-33].

Совершенно новой чертой в интерпретации образа Фауста у Граббе становится националистическая составляющая, чем объясняется популярность этой пьесы в нацистской Германии [11, s. 33]. Фауст и Дон Жуан помещены в чуждую для них

окружающую среду, оба находятся в Италии. Действие пьесы, как кажется, неслучайно происходит в Риме: именно католицизм объявляется врагом "германского духа", Фауст также говорит о новом мировоззрении, о необходимости воздвигать новое на обломках старого.

Auch Luther, du! den Wahn hast du verjagt,
Zermalmt, zernichtet hast du wie der Blitz,
Nur etwas andres, Wahrheit, die besteht,
Beruhigt, hast du nicht gegeben – Offner
Als je tut sich vor dem enttäuschten Auge
Die Tiefe auf – Zertrümmern, mit den Trümmern
Ein Trümmerwerk erbaun, das kann der Mensch,
Das kann er mit den Körben oder Eimern,
Durch die er Stein zum Steine, Tropfen trägt
Zum Tropfen, die er Kunst und Wissenschaft
Benennt!

Aus Nichts schafft Gott, wir schaffen aus
Ruinen! [1]

("От Лютера по свету прогремевшим / из Виттенберга, -- родины моей, / и через Альпы прилетевшим грозно! / Все ж горе нам! Великий Лютер! / Ты заблуждение мощно уничтожил, / разбил его, как молния небес / но истины целительной, всевластной / не мог ты дать! Ужаснее теперь / чем до тебя, пред просветленным взором / зияет бездна мрака. Разрушать / И из развалин снова зданье строить -- вот жребий человека") [2].

Тема родины становится одной из домаинирующих в монологе Фауста.

Was ist mir näher als das Vaterland?
Die Heimat nur kann uns beseligen,
Verräterei, die Fremde vorzuziehn!
Nicht Faust wär ich, wenn ich kein Deutscher wäre!
– O Deutschland! Vaterland! Die Träne hängt
Mir an der Wimper, wenn ich dein gedenke!
Kein Land, das herrlicher als du, kein Volk,
Das mächtger, edler als wie deines! [1].

("Что ближе нам Отчизны? Отечество одно счастливит нас: изменник тот, кому чужбина лучше! Не будь германцем -- я б не был Фауст! Германия! Отечество! Слеза мой взор туманит -- лишь тебя я вспомню! Нет на земле страны, тебя милее, народа, благородной твоего") [2].

Германия недвусмысленно названа "сердцем Европы".

Deutschland! Vaterland! – und nicht einmal
Im Schlachtfeld konnt ich für dich kämpfend fallen –
Du bist Europas Herz – ja ja, zerrissen,
Wie nur ein Herz es sein kann! [1]

("Германия! Отчизна! Если б мне / Пасть за тебя в бою на поле чести! / Ты сердце, да, растерзанное сердце Европы..."). [2]

Неслучайно в вышедшей в 1934 г. монографии Ф. Шнайдера "Кристиан Дитрих Граббе" подчеркивается "пламенный патриотизм" драматурга. Примечательно, что 1936 год, столетие со дня смерти драматурга, был объявлен в нацистской Германии "годом Граббе" [12, s. 126-127]. Знаменательна постановка этой пьесы на сцене Государственного театра в Берлине в 1936 г. режиссера Юргена Фелинга, одну из главных ролей, Дон Жуана, в которой сыграл известный немецкий актер Густав Грюнденс [12, s. 133].

Драма "Дон Жуан и Фауст" на мифологическом материале не только ставит вопрос о судьбах экстраординарных личностей, но и в основу конфликта помещает сюжет о соперничестве двух героев за руку и сердце донны Анны. Оба героя воплощают два

разных типа европейского сознания, два типа поведения, по сути дела, в пьесе на комическом и трагическом уровнях речь идет о столкновении двух культур.

Это противостояние культур отмечено в самом начале, приводим слова Дон Жуана:

Wißt Ihr denn nicht, daß jetzt ein großer Magus,
Gekommen aus Norddeutschlands Eiseswüsten,
In Roma hauset und die Luft verpestet?
Im schwarzen Mantel, weißen Antlitzes,
Als hätte nie die Sonne es gerötet, [1]

("Вы знаете ль? Ведь в Риме маг живет -- кудесник -- сын Германии холодной -- здесь отравлял он воздух чародейством? Плащ черный, длинный, бледное лицо: как будто век его не грело Солнце!") [2]. С самого же начала, как мы видим, меняется не столько классический сюжет о Дон Жуане (он остается во многом в своем апмлуа), сколько традиционный сюжет о Фаусте, приоритеты которого существенно меняются: завоевание мира для него отступает на задний план по сравнению с завоеванием женщины. Оба героя, соперники, показанные как титаны, абсолютно экстраординарные личности, тем не менее, оказываются близки, схожи и их конец -- оба оказываются связанными с Сатаной и гибнут.

Оба, Фауст и Дон Жуан, показаны одновременно как двойники и антиподы. Оба позиционируют себя как гиганты. Фауст считает себя воплощением богочеловека:

Ich bin Faust, der himmelstürmende
Gigante, bin es, den die Schrecknisse
Der Unterwelt umkleiden [1]

("Я -- Фауст, я гигант, который Небо стремится покорить, титан могучий") [2]. В сознании Фауста, кроме того, совмещаются полярности:

Gibt es einen Pfad zum Himmel,
So führt er durch die Hölle, mindestens
Für mich [1]

("если есть для смертных к небу путь, и он сквозь ад ведет, по крайней мере") [2]. Фауст с самого начала оказывается связанным с inferнальной силой. Дон Жуан предпочитает не задумываться о вечном:

Die Erde ist so allerliebste, daß mir
Vor lauter Lust und Wonne Zeit fehlt, um
An den zu denken, der sie schuf [1]

("Так земля мила, прекрасна, что некогда о неземном и думать") [2]. Тем не менее, Дон Жуан и Фауст являют собой как бы две стороны одного целого, находящиеся в состоянии соперничества герои объединяются и после смерти: "тебя, Жуан, с собой я увлекаю и с Фаустом тебя соединю".

Однако, Дон Жуан и Фауст сближаются в восприятии ими донны Анны. Для Дон Жуана микро и макрокосмос оказываются тождественными, любящее сердце оказывается способным вместить в себя Вселенную, приведем слова Фауста:

Welten können
Verwaist und ohne Seele rollen durch
Den leeren Raum, – doch wo ein fühlend Herz schlägt,
Da regen Welten, Sterne, Sonn und Mond,
Des Morgens Rot, des Abends falber Glanz,
Mit allem Schmerz und aller Freude, eng
Verschlungen sich im allerengsten Kreis
Gewaltiger Herz– als Welt–Eroberer! [1]

("Но там, где сердце бьется от любви, миров громады, Солнце, месяц, звезды, // Денницы блеск и вечера сияние, и всей Вселенной радости и скорби // Стократ могучий сердца покоритель, чем покоритель мира") [2]. Фауст, утверждающий, что любовь женщин ему надоела, увидев донну Анну, начинает воспринимать ее и как образ своего детства, как родину и Вселенную:

Ich blick und blicke – zu 'nem Kinde werd
Ich wieder – Eine Heimat, die ich nie geschaut,
Umlächelt mich – Gibts andre Heimaten
Als das Geburtsland? –Dieses Auges Braun
Kommt über mich wie Abenddämmerung –
Der Tag erleicht davor, doch Sterne, zahllos,
Entsteigen, selbst die Finsternis verklärend,
Dem Abgrund – Ach, des Himmels Gründe,
Sandbänke sind sie gegen dieses Auges Tiefen! [1]

("Смотрю и вновь ребенком становлюсь / В этом взоре чудном, милом вечерний тихий сумрак вижу я, бледнеет день, бесчисленные звезды восходят, мрак полночный освещая из бездны". [2])

Nur

Den Kleidsaum der Geliebten zu umglänzen,
Reiß ich Fixsterne los von ihren Sitzen,
Zu Weibes Dienern sie erniedrigend! [1]

"И чтобы одежды милой разукрасить, сорву я с небы звезды, не стыдясь унизить их перед земною девой") [2]. Разница в том, что если в репликах Дон Жуана проглядывает солярная метафорика, то восприятие Фаустом донны Анны окрашено в "ночные", inferнальные тона, ведь и сам он, по выражению одного из героев, имеет на лице "адскую печать". Обедняет Фауста и Дон Жуана "птичья метафорика", звучащая в устах Рыцаря: "Он ястреб, ты же царственный орел над ним парящий мощными крылами" [о специфике «птичьих» метафор в европейской литературной традиции см. подробнее: 9, С.306-307].

Если Дон Жуан Мольера предстает как безбожник и вольнодумец, для которого не существует ни рая, ни ада, то в репликах Дон Жуана и Фауста постоянно присутствует метафорика, отсылающая к inferнальной тематике, а также образам рая. Герой Мольера -- философ, ему принадлежат тирады о выживании в свете, это персонаж "играющий", что принципиально отличает его от Дон Жуана Граббе, который на протяжении всей пьесы увлечен одной донной Анной, и только потеря ее заставляет говорить о других женщинах, тема любовных увлечений появляется лишь в конце.

Такие исследователи, как Багно и Моцарт склонны видеть в пьесе К.Д. Граббе романтическую интерпретацию "вечного" сюжета [4; 8]. С этим утверждением нельзя согласиться полностью. По выражению А.В. Карельского, Граббе был "духовное дитя эпохи Реставрации" с ее пессимизмом и ощущением скепсиса и разочарованности во всем [7].

Однако Фауст и Дон Жуан пьесы Граббе представляют собой, скорее, пародию на стереотипные представления о романтическом герое. Фауст уносит донну Анну в свой замок на Монблан, решая таким образом "вопрос" силой. Сердце женщины для него не является самоценным, а важной становится идея обладания. Идея силы и обладания также важна для Дон Жуана, убивающего дону Октавю, жениха донны Анны на дуэли. К романтической парадигме, как кажется, оказывается ближе Дон Жуан: "Хвала тому, кто вечно вдаль стремится, кто ввек не сыт", но и он в конце говорит, что смерть донны Анны для него ничего не стоит. Таким образом, по выражению Карельского, "все это выстраивается в систему знаков, отсылающих нас к идейной атмосфере и романтизма и всей возвышенной немецкой идеалистической традиции" и создает в пьесах Граббе "стихию тотального отрицания" романтических, знаков, топосов [7]. Как достигается комический эффект и в чем состоит сама природа комического у Граббе?

Интересен вопрос о жанровой принадлежности пьесы "Дон Жуан и Фауст". Несмотря на авторское определение жанра произведения -- "трагедия", пьесу, скорее, можно отнести к жанру "трагикомедии", трагедийное начало можно усмотреть в крушении романтического универсума, в его комической репрезентации.

Существенно говорить и о роли слуги в двух пьесах. Реплики Сганареля своеобразно "окольцовывают" действие пьесы, открывая и завершая его. Сганарель представляет "дидактический" голос пьесы, комически сниженный. Ему принадлежит иной взгляд на мир, нежели у Дон Жуана, явленный, как уже говорилось в комическом преломлении. В любом случае Сганарель являет собой "самостоятельный" голос в комедии, тогда как реплики слуг Дон Жуана и Фауста являются комическим отражением голосов их хозяев.

Как уже ранее говорилось, тема двойника-антипода существенна в структуре пьесы Граббе, и такими являются слуги Фауста и Дон Жуана -- Лепорелло и Рыцарь. Комический эффект достигается тем, что возвышенные, патетические реплики двух героев "снижаются" комментариями их слуг. Вот как реагирует Рыцарь на просьбу Фауста показать ему ад: "Боюсь я только, что ногою ты на дне той бездны подскользнешься" [2]. Сочетание прозы и поэзии тоже заставляет о "двойном регистре" пьесы.

Оба текста, сохраняя в структуре сюжета традиционный мотив возмездия, также подходят к нему по-разному. Тема возможного возмездия проходит у Мольера красной нитью по всему тексту, разрешаясь в конце. К интересным инновациям в интерпретации сюжета о Дон Жуане принадлежит и концепция "двойного" суда у Граббе, когда каждый из героев попадает в руки своего "Сатаны".

Итак, оба текста, сохраняя основные элементы сюжета о Дон Жуане, открывают новые потенциалы этого сюжета.

Литература

1. Grabbe Ch. D. Don Juan und Faust [Электронный ресурс] <https://www.projekt-gutenberg.org/> (дата обращения 15. 11. 2022)
2. Граббе К. Д. Дон Жуан и Фауст [Электронный ресурс] http://az.lib.ru/g/grabbe_h_d/text_1829_don-juan_i_faust.shtml (дата обращения 15. 11. 2022)
3. Мольер Ж.-Б. Дон Жуан или Каменный гость [Электронный ресурс] http://lib.ru/MOLIER/molier2_1.txt (дата обращения 15.11. 2022)
4. Багно В. Е. Дон Жуан [Электронный ресурс] <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/bagno-don-zhuan.htm> (дата обращения 20.11. 2022)
5. Бояджиев Г. Н. Жан-Батист Мольер [Электронный ресурс] http://lib.ru/MOLIER/molier0_1.txt (дата обращения 10.11.2022)
6. Данилкова Ю.Ю. Поэтика интертекстуальности в драме Г. Бюхнера "Смерть Дантона" [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-intertekstualnosti-v-drame-g-byuhnera-smert-dantona> (дата обращения 10.11.2022)
7. Карельский А. В. Драма немецкого романтизма [Электронный ресурс] https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001647487/ (дата обращения 10.11.2022)
8. Моцарт Е.-Н. Ю. Романтическая трансформация образов Дон Жуана и Фауста у Х. Д. Граббе [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/romanticheskaya-transformatsiya-obrazov-don-zhуana-i-fаusta-u-h-d-grabbe> (дата обращения 12.10. 2022)
9. Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: Коллективная монография. М.: Книгодел; МГПУ, 2019. – 504 с.

10. Сельченко Е. К. Фауст и Дон Жуан: загадка взаимодействия образов в свете рецепции "Фауста" И. В. Гете в драматической поэмк А. К. Толстого "Дон Жуан" [Электронный ресурс] <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/110605/1/205-214.pdf> (дата обращения 16.11.2022)
11. Ehrlich L. Christian Dietrich Grabbe: Leben. Werk. Wirkung. Leipzig: Reclam, 1986. 291 s.
12. Vogt M. Literaturrezeption und historische Krisenerfahrung. Die Rezeption der Dramen Chr. D. Grabbes 1827-1945. Frankfurt am Main / Bern, 1983. 273 s.